

Калимуллина Екатерина Викторовна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ ФОЛЬКЛОРНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА

Статья посвящена интерпретации образов фольклорной демонологии в творчестве Алексея Михайловича Ремизова. На материале сборника сказок "Посолонь" (1907) представлен анализ генезиса, сущности и функционирования демонических персонажей в художественном пространстве авторского текста. Особое внимание уделено образам "личной" мифологии писателя, их роли в мифопоэтике А. М. Ремизова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 65-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

PECULIARITY OF INTERNET-DISOURSE (BY THE MATERIAL OF SOCIAL NETWORK FACEBOOK)

Zelenovskaya Anna Vladimirovna
Chelyabinsk State University
Zelenovskaya_ann@mail.ru

The article considers the peculiarity of Internet-discourse. The author reveals and analyzes its main features by the example of the world-famous social network Facebook. It is ascertained that Internet-discourse combines the features of written and spoken language, while it has a number of specific features typical only of it. The communication of members in the social network Facebook demonstrates the features of Internet-discourse.

Key words and phrases: Internet-discourse; features of Internet-discourse; social network Facebook; creolization; hypertextuality; features of written language; features of spoken language.

УДК 8; 821.161.1; 82-34

Филологические науки

Статья посвящена интерпретации образов фольклорной демонологии в творчестве Алексея Михайловича Ремизова. На материале сборника сказок «Посолонь» (1907) представлен анализ генезиса, сущности и функционирования демонических персонажей в художественном пространстве авторского текста. Особое внимание уделено образам «личной» мифологии писателя, их роли в мифопоэтике А. М. Ремизова.

Ключевые слова и фразы: демонология; демонические образы; Серебряный век; мифопоэтика; фольклор; мономиф; мифотворчество.

Калимуллина Екатерина Викторовна

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
katerina.queen@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ ФОЛЬКЛОРНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА[©]**

Увлечение демоническим – один из аспектов своеобразия русской литературы, непосредственно связанный с этическими исканиями, вопросом о причинах существования демонических сил в мире, теодицеей, противоречием между идеалом и действительностью. Своей кульминацией тема демонизма в истории русской литературы достигла на рубеже XIX-XX веков в период Серебряного века. Апокалипсические предчувствия, богоборчество и богоискательство погрузили культуру русского Ренессанса в атмосферу идейного и эстетического демонизма. Внимание писателей сосредоточилось на обострившихся философско-религиозных проблемах и идеях, лежащих за рамками традиционных представлений, что подтолкнуло к воплощению различных демонических образов на страницах произведений: Антихриста, Сатаны, Дьявола, Вельзевула, Люцифера, Демона, беса, черта, фольклорной нечисти и языческих идолов.

Многообразный, подчас зыбкий и едва уловимый, всепроницающий Демон, Сатана или появляющийся под другими именами скачет по произведениям К. К. Случевского (поэма «Элоа»), Д. С. Мережковского (трилогия «Христос и Антихрист»), Ф. К. Сологуба (лирика, роман «Мелкий бес», рассказы «Белая собака», «Соединяющий души»), А. А. Блока (поэма «Двенадцать», цикл стихотворений «Пузыри земли»), В. Я. Брюсова (роман «Огненный ангел»), К. Д. Бальмонта (сборник «Злые чары»), Н. С. Гумилева (сборники «Романтические цветы», «Жемчуга», «Огненный столп», пьеса «Дитя Аллаха», рассказы «Черный Дик», «Лесной дьявол»), Вл. И. Нарбута (сборник стихотворений «Аллилуйя»), А. М. Ремизова (роман «Пруд», сборники сказок «Посолонь», «Докука и балагурье», «Укрепка», повесть «Что есть табак» и др.), А. Н. Толстого (роман «Аэлита», сборники стихотворений «Солнечные песни», «За синими реками», сборники сказок «Русалочьи сказки», «Сорочьи сказки») и других представителей русской литературы начала XX века, образуя целый пласт так называемой «сатанинской литературы». Данная проблема рассмотрена в трудах заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, доктора философских наук, профессора Сергея Леоновича Слободнюка [6; 7; 8; 9].

В той или иной степени демоническую тему затрагивали почти все представители Серебряного века, но были и те, кто продвинулись в мистических исканиях дальше других, воссоздав в своем творчестве целые демонологии, в частности, речь пойдет об Алексее Михайловиче Ремизове (1877-1957).

Переплетение различных культурологических традиций (славяно-языческой, христианской, гносеологической и т.д.) и, как следствие, появление персонажей народной мифологии и демонологии в текстах писателя – не дань моде, не стремление к публичной оригинальности и жажде сомнительной славы. Излишне категорично высказывание о том, что «чертовщина представляла <...> действительно лишь элемент, растворенный в сильной и яркой среде реальной жизни» [1, с. 26]. Будучи «мастером по части всяческих кошмаров, чудовищ, чучел, пугал, страшилищ», «тонким виртуозом всякой пугливости» (характеристики писателя,

данные К. И. Чуковским) [10, с. 3]. Ремизов воссоздает иллюзию изображения действительности, за завесой которой конструирует настоящий авторский мир, мифологическую модель мироздания – мономиф, заполненный скопищем различных существ демонической природы, переходящих из одного произведения в другое. Все творчество писателя – огромный мир, единый мифологический текст – мономиф.

С большим мастерством демонические образы представлены в произведениях Алексея Михайловича Ремизова. «Оттого ли, – говорит писатель, – что родился я в Купальскую ночь, когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная, водяная и воздушная, собирается в купальский хоровод скакать и кружиться, и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе глаз на этих лесных, водяных и воздушных духов, и две книги мои – «Носолонь» и «Морю – океану» в сущности рассказ о знакомых и приятелях моих из мира невидимого – «чертячьего»» [3, с. 30].

Ремизоведы утверждают, что писатель создавал свою мифологию, опираясь преимущественно на книжный материал: Ворогуша, Кострома, Листин, Калечина-Малечина, Купена-лупена, Вындрик-зверь («Посолонь»), Мара-Марена, Летавица, Коловертыш («К Морю-океану») – все они возникли под влиянием работ Е. В. Аничкова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Д. К. Зеленина (писатель упоминает перечисленные труды в собственных примечаниях к сборнику «Посолонь» [5, с. 163, 174, 170, 173, 169]), а также многочисленных статей этнографов-любителей, печатавшихся в журналах «Живая страна» и «Этнографическое обозрение». Тем не менее, произведения А. М. Ремизова совершенно свободны от налета наукообразности, это яркие художественные тексты, наполненные запоминающимися поэтическими образами. В них повествуется о духах, чертях, нечисти, но это не фантастика. «Фантастика – воздушна, бесплотна, соткана из снов и туманов: гляди издали, не шелохнись – не то рассыплется. Все зыблется неуловимо – «игра воображения» <...> У Ремизова – «вещность», конкретность, натурализм чертячий. И жизнь буйная, громкая...» [3, с. 30]. Вся его «нечисть лесная, водяная и воздушная» – не иносказательные образы, а самые настоящие «жители». Ремизов воплощается, «вочеловечивает», материализует и одушевляет, подобно демиургу, малопонятные существа, неотчетливо промелькнувшие в народной мифологии, добавляя к ним штрихи собственной фантазии.

Кострома – воплощение весны и плодородия в восточнославянской мифологии, обычно изображаемая в образе молодой женщины в длинной белой одежде с дубовой веткой в руках [2, с. 247], в одноименной сказке сборника «Посолонь» (1906) предстает неким звероподобным существом, которое по весне сбрасывает «свою колючку-ежевую шубку, протрет глазыньки да из овина на все четыре стороны, куда взглянется, и пойдет себе», «лежит-валяется, брюшко себе лапкой почесывает, – брюшко у Костромы мякенькое, переливается» [5, с. 13]. В этом образе антропоморфные и зооморфные признаки сочетаются с чертами персонажей низшей народной демонологии: овин, место обитания Костромы, позволяет соотнести ее с овинником, а сведение о маленьких детях – с банником.

Калечина-Малечина – элемент детской игры – превращается в «тоненькую, как палочка, об одном глазе, об одной руке и об одной ноге» [Там же, с. 166] странное, но живое существо, юркающее с одного плетня на другой, затыгивающее «тоненько комариком песню» [Там же, с. 23], да крутящее вихри в лесу. На примере создания этого персонажа «личной мифологии» возможно проследить процесс мифотворчества образной системы А. М. Ремизова. Детские игры, включающие в себя считалки, диалоги, осмыслились Ремизовым как реликты древнейших культурных традиций, что подкреплялось аналогичным мнением, бытующим среди отечественных этнографов, современников писателя, поэтому детские игрушки воспринимались писателем как древнейшие боги, чьи образы он реконструировал в своих текстах. Располагая скудной информацией о фонетической природе слова «калечина-малечина», относящей его к так называемым «парным словам», в которых второе слово деформируется всего лишь с помощью изменения начальной буквы, писатель выуживает остальную информацию из семантики первого слова, понимаемую им как идея абсолютного калеки, т.е. существа с одним глазом, с одной рукой и одной ногой. Дерево, материал, из которого выполнена игрушка, наталкивает на мысль о ее месте обитания – лес ночью и плетень днем. Осведомленность по поводу наступления вечера связана с ночным образом жизни этого существа. В результате получился вполне репрезентативный образ: «Калечина-Малечина – лесная. Братья ее – семь ветров, а восьмой – витной вихрь – ее друг сердечный, который и бьет ее, и треплет, и неверен, постылый. Целую ночь гуляет Калечина в лесу, а на день где-нибудь в плетне сидит и ждет вечера, чтобы снова трепаться» [Там же, с. 166].

Все эти описания, словно зарисовки с натуры: детально переданная внешность, повадки, а иногда и характер мелких демонических существ и духов – настолько тщательно прорисованы, что создают впечатление полной реальности своего существования, которое укрепляется самим автором.

Коловертыши, Вытарашки, ведьмы, домовые, навье, нежит и многие другие – не просто фольклорный материал, из которого возможно лепить художественные образы. Они – личное, пережитое, увиденное сначала «подслеповато-внимательными» детскими, а потом «подстриженными» взрослыми глазами, для которых «нет, кажется, ни уголка в мире незаполненного, все вокруг кишит жизнями» [Там же, с. 174]; «<...> и все эти «Нимонари» и «Носолони» у Ремизова не литературничание, а чаще всего дневник, лирика его запутанной души» [10, с. 3].

Художественный мир Ремизова неотделим от него самого, от его личности, от его жизни и быта. Он не отделяет себя от своих созданий – они окружают его и в жизни, о чем свидетельствуют воспоминания современников, знавших А. М. Ремизова и бывавших в его «жилищах», будь-то Москва, Берлин или Париж, где через всю комнату писателя висела гирлянда странных, часто отвратительных существ – жуткая нечисть: Баба-Яга, тролль, пыльник, лесовик, летучая черная кошка, ухоглаз, коловертыши, чудоморики.

В произведениях А. М. Ремизова можно выделить две группы персонажей низшей демонологии.

К первой группе относятся исконные образы народных верований, сказочные персонажи, к примеру, Баба-Яга, леший, домовый, водяной, русалка, кикимора, Ворогуша, Скоропая, хунды, Кошей, Белун, Спорыш, Ведогонь, Летавица, Упырь, полудницы, Мокуша (Мокошь), Мара-Марена (Морана), Лихо-одноглазое.

Писатель не стремился к внешней и этнографической точности при создании подобных персонажей: зачастую Ремизов заимствует лишь название или имя персонажа, целиком изменяя его облик: у змеи Скоропеи появляются гусиные лапы и двенадцать голов – «пухотные, рвотные, блевотные, тошнотные, волдырные и рябая и ясная» [5, с. 29] – отчего она приобретает более чудовищные черты, нежели те, что присущи ей в славянской мифологии как властвующей над всеми змеями в образе ящерицы с четырьмя парами ног или, в более поздней традиции, огромной змеи с головой женщины, увенчанной короной; кикимора обзаводится копытцем [Там же, с. 34].

Наряду с популярными персонажами низшей демонологии – леший, домовый, русалка – писатель вводит их областные варианты, обладающие собственными именами и особенностями и известные только непосредственным носителям той или иной региональной культуры или узкому кругу специалистов. Так появляется Ворогуша (сказка «Кукушка» из «Посолони») – олицетворение лихорадки, всевозможных болезней и физических мук человека, воплощенная в суевериях жителей Орловской губернии в образе старой старухи с костылем в руке, на закате солнца выходящей из бора; «одна из сестер-лихорадок, она садится в виде ночного мотылька на губы сонного и приносит ему болезнь» [Там же, с. 165]. Вместе с ней наводят болезни на людей, портят скот и другие сестры-лихорадки: «Много они натворили бед – съешь их волк! – то под тыном прикинется – Подтынница, то на дворе пристягнет – Навозница, то соскочит с веретена да заскочит в пряжу – Веретеница, то выскочит с болотной кочки – Болотница: им бы портить скотину, вынимать румянец из белого лица, вкладывать стрелы в спину, крючить на руках пальцы, тряся трести тело» [Там же, с. 25]. А под крышей хунды-трясучки шуршат – тоже лихорадки, встречающиеся в белорусских суевериях. Крестьяне Вологодской, Костромской, Вятской губерний верили, что Коровья смерть бродит по селу в виде чахлой, заморенной старухи, завернутой в белый саван, – у Ремизова в «Черном пухе» (сборник «Посолонь») читаем: «И они – чахлые и заморенные – Коровья смерть да Веснянка-Подосенница с сорока сестрами пробегает по селу, старухой в белом саване, кличут на голос» [Там же, с. 24]. Из-под лавки выходит Лизун голстомясый (сказка «Летавица» из сборника «К Морю-океану») – домовый – «пятки прямые, живот наоборот» [Там же, с. 132], который, по поверьям жителей Смоленщины, Ярославской, Тверской, Костромской губерний, зализывает по ночам волосы людей, шерсть скота, вылизывает оставленную посуду.

Герои или персонажи, образы «личной» мифологии писателя принадлежат ко второй группе: Аука, Болибошка, Калечина-Малечина, Моряна, Пузырь, Кучерище, Зародыш, Кок-кокоряшка, Пери да Мери, Шуды да Луды, Шандырь-шептун, старухи Еретицы, водяной Кот-Мурлышка, вылыглаз Окаяшка-птичий глаз, Сбухта-Барахта, залесная безрукая баба, лесавки, Рогана, Коровья-нога, старуха Буроба, Соломина-воромина. Данные образы органично вписываются в мифологическое пространство текста, дополняя в функциональном и образном плане фольклорную демонологию.

Мифические хозяева дома: домовый, доможил, Лизун, домовиха, Волосатка, домихи, гуменные, хлевники, банные – дополняются Ремизовым новым персонажем, выполняющим схожие функции: «<...> вылезал из отдушника Котофея Котофеича – Чучело-чумичело» [Там же, с. 73]. Живет это существо за печкой, с мышами водится, а по праздникам веселит хозяев дома: «По праздникам <...> Чучело-чумичело до самого обеда ходил на голове перед Зайкой, – все животного надрывала себе Зайка от хохота, а после обеда Чучело усаживался на шесток <...> Чучело-чумичело все рассказывал о крысах, да о мышах, да о мышатах маленьких» [Там же]. Иногда Чучело-чумичело голову свою теряет, тогда он мажет мышиной мазью то место, где голова была, и вырастает у него новая «соблазнительная мышинная мордочка». С потерей антропоморфных черт и последующей их заменой животными чертами, мышиной головой, данный персонаж утрачивает способность к мышлению: Чучело-чумичело с мышиной головой уже не способен ничего посоветовать Котофею Котофеичу, чтобы выручить из беды Зайку. Возможна и обратная ситуация, примененная автором при создании образа Кучерища, когда, утрачивая зооморфные функции – поедание игрушек, персонаж приобретает способность к рассуждению, а вместе с ней и вполне человеческое второе имя: «Привязался Кот к Кучерищу, а Кучерище к Коту. Оба в оба глядели. –Надоумь меня, Демьяныч!» – мяукал Кот. Кучерище ощеривался: –Дай сроку, Котофеич, все устроится» [Там же, с. 85].

Таким образом, в образе Чучела-чумичела соединились фольклорные черты домового со свойствами, взятыми из собственной фантазии автора, а привнесение антропоморфных качеств усиливает реальность существования подобных образов.

Каждая вещь или предмет в доме наделяются писателем собственным духом, в каждом уголке дома обитает демоническое существо, и всех их автор стремится «воплотить», «вочеловечить». По вечерам свет в фонарике тушит Зародыш: «И подымался из-за угла гадкий Зародыш, залезал Зародыш в фонарик, дул в огонек. И огонек становился огонечком с ноготок Зайкин» [Там же, с. 72-73]. А ночью, олицетворение тени и сна, «выползал из ямки Червячок. Рос Червячок, распухал, надувался, превращался в огромного страшного червя, потом опал, становился маленьким и червячком уползал к себе в ямку» [Там же, с. 72]. Баню населяет банная нежить, которая «в сырости заводится на человеческих обмылках, а потому страсть любопытна» [Там же, с. 111].

Реки и болота, озера и моря, кишашие водными духами: русалками, водяными, водяниками, водяницами, утопленницами, бродницами, водыльниками, мавками и кровожадными лобастами – в ремизовских текстах заселяются водяным Котом-Мурлышкой, в полночь мяукающим на луну, «трепущей рыбой» Сбухты-Барахтой – «хвост у ней, как у лебеда, голова козлиная» [Там же, с. 113], косматым, сухоногим вылыглазом Окаяшкой-птичий глаз, щелкающим бобы, Носатой птицей болотной, Клешней одноглазой, чудовищем

речным, сцапывающим и проглатывающим зевак, Утрап-рыбой (в свете рассматриваемой темы интересен церковно-славянский перевод слова «утрап» – обморок), которая «воевода рыбам». Эти персонажи «личной» мифологии автора – мифические звероподобные существа, обитающие в водной стихии наряду с аналогичными духами, стоящими рангом выше в демонологической иерархии. Их главная функция – напугать всевозможными способами: внешним видом, совершаемым действием. Однако они не являются вершиной в водной демонологии: Ремизов вводит так называемых «богов», покровителей – Маруна и Моряну (не путать с Мораной или Мареной – богиней смерти, зимы и ночи у древних славян – автор сам дает толкование и разграничение этих мифологических героев в собственном примечании к сборнику «Посолонь») – персонажей «личной мифологии», чтобы восполнить соответствующие лакуны в выстраиваемой им демонологии.

Марун, по характеристике автора, – «морской Бог (mare). Я нашел изображение его (сучок) на острове Вандроке (Оландские острова) на скалах осенью 1910 года» [Там же, с. 180]. Обитает Марун на скалистом острове Бурь-буруне в Варяжском море. При разработке этого персонажа Ремизов в очередной раз прибегает к мистификации для укрепления в сознании читателя реалистичности описываемых событий и действующих героев его произведений. Интересен прием, с помощью которого создается данный образ: выявление высшей демонической сущности покровителя морей царя Маруна дается не через характеристику его внешности или деяний, но по средствам описания местообитания персонажа, представляющее в виде космогонического мифа, встречающегося в культуре разных народов: «Четыре рыбы держат остров: две одноглазые Флюнды и две крылатые Симпы. Царь Бурь-буруна, властитель Оланда – Марун. Трон его крепкий из алого мха, царский венец из лунного ягеля, меч и щит из гранита. Сидит царь Марун на острой скале высоко над морем, слушает волны. А вокруг его – змеи, над ним – альбатросы, и по морю мимо проплывают печальные белые бриги и шхуны. А он неподвижен на своем алом троне, лунный, как мох-ягель, пасть раскрыта – он слушает волны. Никто не взойдет на скалы, никто не ступит на берег, никто не обойдет весь остров, и только бесстрашный, вызывающий смерть, викинг Сталло, закованный в сталь, бросает бесстрашно якорь» [Там же, с. 156-157]. В этом описании также видны черты древнего мифа о противостоянии богов и героя-полубога, наделенного сверхспособностями.

Образ Моряны – менее разработанный, но ее краткой характеристики – «живет на море, владеет ветрами, топит корабли», да «волны колышет» – достаточно, чтобы увидеть параллели с аналогичным персонажем скандинавской мифологии – свирепой морской богиней шторма и бури Ран, выполняющей схожие функции.

В лесах, полях и лугах также обитает различная нечисть. В полдень заработавшегося в поле могут настичь старухи в лохмотьях с клюкой – полудницы – и зачекотать до смерти, если не отгадать их загадки. В летние дни в полях гуляет порывистый ветер, вихрь: это полевик, полевой дух, поднимает его – не хочешь, чтобы его видели люди. С приходом весны просыпаются и резвятся на лугу в полой воде Лужанки – золотые кудряшки, а в первых лучах солнца скрываются: «На лугу их ночь, – на лугу они спят. На лугу их утро, – на лугу они умываются, чтобы к солнцу лететь» [Там же, с. 146]. А когда хлеба поспеют, Спорыш, «бог жатвы» [Там же, с. 177], вьет венки колосной жатвенный – «кладут венки в засек, чтобы было все споро, хватило зерна надолго» [Там же, с. 120]. Главенствует над полевыми да луговыми духами Белун – «старик добрый» с клюкою, весь белый, «сам в белой рубашке, и от солнца не застится: оно ему любо». Во время жатвы появляется на нивах Белун, охраняет каждый колос и помогает жнецам. Любит он показываться в колосистой ржи с сумою денег на носу, поманит кого-нибудь да попросит нос себе утереть: если исполнить желание его, то деньги в ладоши посыплются. Заблудившимся в лесу он помогает: «<...> без него, говорят, темно в лесу. Заблудишься, только спроси, Белун и дорогу покажет» [Там же, с. 107]. Столь распространенный в белорусском фольклоре образ Ремизов наделяется чертами из собственной фантазии, конструируя своего Белуна как эпического героя и сказителя, что выражается в рассказанных детям легендах, выделенной разрядкой цитатой из «Слова о полку Игореве» («бусово время»), а также постоянной думой персонажа о «русской доле» и агиографическим в своей основе мотивом дружбы старца с медведем и пчелами.

В лесу хозяйничает Леший-дед, сивобородый: «Леший крал дороги в лесу да посвистывал, – тешил мохнатый свои совьи глаза» [Там же, с. 30]. Персонаж этот предстает в текстах А. М. Ремизова под разными именами и образами, в которых переплелись глубокие знания фольклора и безудержная фантазия писателя: лесунок встречается, тяжело вздыхает Лесной Ох, в хворосте спит Лешак-хворостяник, а Лесовой шумит, как еловые шишки – хвалит лес перед другой нечистью; Лесовика, приятеля Водяному и Полевому, задабривают ягодами: «Лесовик, Лесовик, на тебе ягод: ты – с леса, мы – в лес!» [Там же, с. 160]; и, наконец, дополняет всю эту лесовую нечисть еще два лешки – Боли-Бошка и Аука – персонажи «личной мифологии» автора.

Боли-Бошка живет за озером в черничном бору. «Весь измоделый, карла, квелый, как палый лист, птичья губа – Боли-Бошка, востренький носик, самый рукастый, а глаза, будто печальные, хитрые-хитрые» [Там же]. Просит он сумку его поискать, но поддаваться на его уговоры нельзя: «Не нагибай так головку: у этого Лешки отродясь никакой и не было сумки. <...> Вот ты нагнешься, искавши, а он тут-как-тут, да на шею к тебе, да петлей и стянет» [Там же] – заведет в зыбле-болото и пропадет там.

Седой Аука «в избушке живет: а изба у него с золотым мхом, а вода у него круглый год от весеннего льда, помело у него – медвежья лапа, бойко выходит дым из трубы, и в морозы тепло у Ауки» [Там же, с. 102]. «Сам Аука затейный: знает много мудреных докук, балагурья, обезьянку сострит, колесом перевернется и охоч поугатать, инда страшно. Да на то он и Аука, чтобы пугать» [Там же, с. 105]. Двойственная сущность этого лешки тождественна природе полевого духа Белуна – они могут как помочь человеку, так и нанести ему вред. Оба духа, лесовой и полевой, наделены антропоморфными качествами: живут в уютных избушках, любят принимать гостей, знают множество сказок, преданий, которые в некоторой мере сглаживают их

демоническое происхождение. Подобный прием создания демонического образа путем антропоморфизации с акцентом на положительных чертах, на наш взгляд, применяется писателем для усиления эффекта реальности существования мифологических персонажей.

Фауна лесная насыщена мифическими существами: птица Гагана, «которая дает птичке молочко, гага» [Там же, с. 174]; «<...> на гиблом болоте в красном ивняке Леснь-птица гнездо вьет <...>» [Там же, с. 15]; «камнем шибается к звездам птица Могуль, и счастье-перо, кипя смолою, падает счастливому» [Там же, с. 156]. Грозная птица из эсхатологических апокрифов орлокрылая Главина с женскими волосами, спущенными на глаза, из которых летят стрелы (оттого и гремит весенний гром), у Ремизова смешивается с апокрифическим восприятием иерархии небесных ангельских чинов: «Главина птица – третий ангельский чин Начала, ангелы, низводящие дождь на землю» [Там же, с. 176]. И. Порфирьевым подробно излагается третий отрывок из «Заветов Адама»: «Третий чин составляют Начала. Их служение состоит в том, чтобы носиться в облаках, по слову пророка Давида, и низводить дождь на землю» [4, с. 171-172].

Мифологизированный образ единорога из русских легенд – Индрик-зверь – «мать зверям» – встречается у Ремизова и под своим именем, и под именем Вындрик-зверя. В русских сказках Индрика изображают как подземного зверя, который ходит по подземелью, а также как спасителя Вселенной от всемирной засухи, но писатель изменяет его функции – он становится предвестником конца времен, конца света: «И куда-то скрылся Индрик-зверь <...> Или пришло время последнее: хочет зверь повернуться?» [5, с. 154]. Тожественные функции выполняют и два других персонажа, заимствованные А. М. Ремизовым из «Голубиной книги», – Страфил-птица и Кит-рыба. Когда-то победившая силу и схоронившая свет под своим правым крылом «мать птицам» – Страфил-птица – «<...> свет забыла <...> хочет птица встрепенуться?» [Там же], и Кит-рыба – «мать рыбам», на которой земля держится, «И куда-то нырнул <...> покинул землю <...> хочет рыба сворохнуть?» [Там же].

Таким образом, три космогонические основы исчезают, оставляя после себя пустоту и предвещая начало конца – «время последнее».

Коровья-нога, кот-и-лев, Кок-Кокоряшка, Пузырь – лесные обитатели, порожденные воображением писателя, прототипы которых порой были самые неожиданные. К примеру, прототипом лесного страшного, усатого зверя кот-и-лев послужил приятель Ремизова, журналист Александр Иванович Котылев. Писатель предложил свою этимологию фамилии Котылева (кот-и-лев), взяв за основу семантическое значение образов кота и льва в народной мифологии – хитроумие первого и сила второго, а мифологический эквивалент имени превратился в законченный образ. Из игрушки шелкуна – «чудовище с разинутым ртом, а перед ним коробка с ручкой, если вертеть ручку, то вылезает из нее человечек и прямо в пасть» [Там же, с. 174] – родился образ Кучерище – пожирателя игрушек. Пузырь – чудовище «в виде огромного пузыря, с тысячами протянутых из середины клещей и скорпионных жал» [Там же, с. 177-178] – заимствован Ремизовым из голеевского «Вия». Песьи-голова, известные в славянской мифологии в образе огромных одноглазых циклопов с человеческим телом и собачьей головой, уменьшаются писателем до размеров маленьких «гаденышей», напоминая клубок новорожденных змей: «И, сцепившись ногами-руками, покатались клубком, как гаденыши, за Окаяшкой косматым одноглазые Песьи-голова» [Там же, с. 113].

В мифологическом пространстве ремизовского текста даже у растений есть свои духи: из трав и деревьев по ночам вылетают на водопой к озеру Древяницы и Травяницы. У животных свой дух-охранитель – Ведогонь – дух спящего зверя: «И поднялись у берлог Ведогони, стоят, караулят спящих зверей» [Там же, с. 127]. Появляются Ведогони осенью, когда летают паутинки. Драчливы Ведогони, устроят потасовку – погибнет Ведогонь и умрет во сне зверь: «От нечего делать Ведогони дерутся друг с другом, – даже до смерти <...> Кончит свой век Ведогонь, и зверь Ведогоня кончит во сне звериные дни. Так немало зверей погибает в осеннюю пору неслышно» [Там же, с. 128].

Помимо духов природных пространств, покровителей дома и духов болезней на страницах произведений А. М. Ремизова представлена огромная галерея образов «абсолютного зла» – ведьмы, колдуны, упыри, навье, нежит, оборотни и, конечно же, черт в различных своих личинах, творящих только зло и преследующих единственную цель – как можно быстрее погубить человека. К ним относятся «подлинно» мифологические и сказочные персонажи: Баба-Яга, Кощей, Летавица, Нежит, Ховала, Мара-Марена, Вий, навьё, Упырь, Карина и Желя, Стрига, Мокуша, Волк-Самоглот, Горынь-змей. Эти герои, их функции, действия и имена даются писателем с более или менее точными отсылками к этнографическим источникам. Степень разработанности этих персонажей различна – от простого упоминания (Горынь-змей, Кощей, Стрига, Лихо одноглазое, Навьё, Мокуша, Карина и Желя) до детального развития образа в рамках посвященной им главы (Яга или Баба-Яга, Летавица, Упырь, Нежит, Ховала, Мара-Марена).

А. М. Ремизовым использовались многочисленные схемы создания демонического образа: заимствование образа из фольклора или из исследований по мифологии; заострение специфических черт образа; индивидуализация областных вариантов фольклорных образов; видоизменение образа из фольклора или надделение свойствами, взятыми из собственной фантазии; психологизация. При создании демонического образа писатель не просто описывает его, а дает его характеристику устами другого персонажа. К примеру, образ Вия выстраивается на рассказе его верного слуги – двуголового коня с золотыми ушами Унеси-голова. Прием эти направлены на обогащение образа, создание его наглядности и усиление реалистичности.

Дополняют народную демонологию персонажи «личной» мифологии писателя. Они вводятся для прикрытия брешей, существующих, по мысли автора, в фольклорной иерархии демонических персонажей, поскольку идея мономифичности творчества требует целостности и системности.

Высокая степень субъективного авторского начала отличает демонические персонажи в произведениях А. М. Ремизова. Писатель внимательно вглядывается в фольклорный текст, подмечает утерянные специфические черты образов, заостряя или интерпретируя их, выводит из глубин народного сознания веками забытые персонажи, их малоизвестные областные варианты. С особой виртуозностью писатель заполняет существующие пустоты в фольклорной демонологии персонажами «личной» мифологии, выстраивая свой собственный миф, «ремизовский» фольклор, который читатель готов воспринимать как новые достоверные сведения по мифологии и фольклористике.

Список литературы

1. Андреев Ю. Пути и перепутья Алексея Ремизова // Вопросы литературы. 1978. № 5. С. 25-29.
2. Капица Ф. С. Боги и тайны древних славян. М.: Астрель; Русь-Олимп, 2011. 317 с.
3. Мочульский К. В. О творчестве Алексея Ремизова // Русская речь. 1992. № 5. С. 30-34.
4. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань: В унив. тип., 1872. 390 с.
5. Ремизов А. М. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 2. Докука и балагурье. 720 с.
6. Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890-1930 гг.). СПб.: Алетейя, 1998. 425 с.
7. Слободнюк С. Л. Рыцарь Утренней Звезды: Миры Николая Гумилева. СПб.: Издательство СПбГПУ, 2010. 360 с.
8. Слободнюк С. Л. Соловьиный ад. Трилогия вочеловечения Александра Блока: онтология небытия. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
9. Слободнюк С. Л. Холодный сумрак бытия: Творимая легенда Федора Сологуба. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 232 с.
10. Чуковский К. И. Последние рассказы Алексея Ремизова («Рассказы», СПб., 1910. – «Неумный бубен». Альманах для всех, 1910) // Речь. 1910. 14 июля.

INTERPRETATION OF FOLK DEMONOLOGY IMAGES IN WORKS OF A. M. REMIZOV

Kalimullina Ekaterina Viktorovna

Nosov Magnitogorsk State Technical University

katerina.queen@mail.ru

The article is devoted to the interpretation of folk demonology images in the works of Aleksei Mikhailovich Remizov. By the material of the storybook «Posolon» (1907) an analysis of the genesis, essence and functioning of the demonic characters in the artistic space of the author's text is presented. Particular attention is paid to the images of a «personal» mythology of the writer, and their role in A. M. Remizov's mythopoetics.

Key words and phrases: demonology; demonic images; Silver Age; mythopoetics; folklore; monomyth; mythmaking.

УДК 37

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме самостоятельной работы в изучении иностранного языка студентами неязыковых направлений подготовки, центральным звеном которой является их потребность в саморазвитии. Самостоятельность рассматривается в качестве необходимого условия активизации познавательных и развивающих процессов подготовки студентов к профессиональной деятельности.

Ключевые слова и фразы: самостоятельная работа студентов; изучение иностранного языка; самостоятельная познавательная деятельность; саморазвитие; самообразовательная деятельность; самостоятельность.

Карева Людмила Александровна, к. пед. н., доцент

Северо-Восточный государственный университет

kafinyaz@svgu.ru

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
ПОДГОТОВКИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ©**

Недостаточное количество часов, отводимое на изучение иностранного языка неязыковыми вузами, вызывает необходимость активизировать самостоятельную работу студентов, разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты.

Самостоятельная работа студентов – понятие широкое, оно включает в себя самостоятельную познавательную деятельность не только на занятиях, но и во внеаудиторное время [4; 6]. К организационно-методическим мероприятиям, реализующим самостоятельную работу студентов, относятся ее планирование, обеспечение литературой и методическими рекомендациями, осуществление контроля. В общей системе развития профессиональной компетентности создается такая система координат, в которой каждый студент сам движется, развивается, выбирая свою траекторию образования.